

Юрий ОКУНЕВ

СИМФОНИЯ XX ВЕКА

К 75-летию премьеры
Ленинградской симфонии
Дмитрия Шостаковича

Если обстоятельства позволяют, стараюсь не пропускать исполнение Седьмой (Ленинградской) симфонии Д.Д. Шостаковича, потому что это произведение великого композитора не только музыкальный шедевр, не только ключ к пониманию симфонической культуры XX века, но и мистическое, пророческое явление, сыгравшее важную роль в истории Второй мировой войны. Впервые довелось мне услышать эту симфонию в Большом зале Ленинградской филармонии под управлением выдающегося дирижера Евгения Мравинского – кажется, это было в конце 1950-х годов. Потом были многие другие замечательные исполнения симфонии – много раз в своей жизни возвращался я к этой музыке.

Естественно, когда узнал, что знаменитый Бостонский симфонический оркестр будет исполнять Ленинградскую симфонию в Нью-Йоркском Карнеги-холле, то немедленно купил билеты. Это было 28 февраля 2017 года... По дороге на концерт я пребывал в тревожно-радостном ожидании нового погружения в грандиозную музыку Шостаковича на целых 75 минут... И вдруг на меня, склонного к мистическому восприятию цифр, снизошло озарение: «Боже, да ведь именно в эти дни ровно 75 лет назад, в страшном 1942 году, в тыловом городе Куйбышеве состоялась премьера Седьмой симфонии – в присутствии автора в Куйбышевском дворце культуры ее исполнил эвакуированный из Москвы оркестр Большого театра СССР под управлением Главного дирижера театра Самуила Самосуда». Неужели только я вспомнил о 75-летию этого события? Да не может такого быть – ведь весь юбилейной давности 1942 год был годом грандиозных премьер и триумфального шествия симфонии по миру, начиная от Куйбышевской премьеры и кончая потрясающим по своему духовному величию исполнением симфонии в осажденном гитлеровцами, блокадном Ленинграде под управлением изможденного голодом, только что вышедшего из клиники для дистрофиков дирижера Карла Элиасберга.

Еще подумалось тогда по дороге на концерт, что, как это ни странно, но именно здесь в Нью-Йорке Ленинградская симфония получила тот ускоряющий импульс, который сделал ее воистину важным событием Второй мировой войны.

После первых советских премьер симфонии в марте 1942-го года в Куйбышеве и Москве крупнейшие Западные оркестры и дирижеры пытались получить право первого исполнения. Началось нелегкое победное шествие симфонии, несшей миру весть об истребительной войне России с фашистами, по странам антигитлеровской коалиции. Фотопленка с партитурой симфонии через Ашхабад, Иран, Ирак, Египет и Атлантику попадает в Англию. 22 июня 1942 года она исполняется симфоническим оркестром BBC в Лондоне, в огромном Королевском концертном зале «Альберт-холл», под управлением выдающегося музыканта Генри Вуда для английских солдат, летчиков, моряков и рабочих военных заводов. Затем фотопленка партитуры на боевом корабле доставляется через

Атлантический океан в Америку. Выдающиеся американские дирижеры – Сергей Кусевицкий и Леопольд Стоковский – включились в состязание за право первого исполнения симфонии в Америке, но Дмитрий Шостакович отдал предпочтение семидесятипятилетнему Артуру Тосканини, покинувшему свою родную Италию, где властвовал фашизм. 19 июля 1942 года, когда на подступах к Сталинграду развернулась решающая битва Второй мировой войны, в огромной студии «Радио-Сити» в Нью-Йорке состоялась грандиозная американская премьера Ленинградской симфонии под управлением великого Артура Тосканини. Сотни радиостанций США и Латинской Америки транслировали симфонию. В сезон 1942-1943 года она была исполнена симфоническими оркестрами США шестьдесят два раза (!) – американцы с волнением вслушивались в звуковые образы великой битвы с фашизмом, которая шла в далекой России. Однако вершина драматической судьбы Ленинградской симфонии была ещё впереди...

С такими мыслями приехал я в Карнеги-холл... В ложе рядом с нами оказался немолодой американец. После первых же формальных приветствий он спросил традиционное: «Where are you from?» Я сказал, что мы из Ленинграда – того самого города, где была написана симфония. Потом не удержался и рассказал ему, что впервые симфония была исполнена в Советском Союзе в разгар Второй мировой войны ровно 75 лет назад! Рассказал еще, как Шостакович сочинял симфонию на крыше Ленинградской консерватории, где он дежурил в одежде пожарника на случай, если фашистская фугасная бомба попадет в здание. Американец не переставал удивляться... «Really?» – повторял он после каждой моей фразы. Наша беседа была прервана появлением блистательного дирижера Андриса Нилсонса – уроженца Риги советских времен. Бостонский оркестр под его управлением исполнил великую симфонию с проникновенной глубиной и потрясающей мощью, и когда торжественный, победоносный финал сотряс своды зала, ошеломленные слушатели встали... Я не мог говорить от волнения – комок застрял в горле... Обернулся к своему американскому соседу, безмолвно протянул ему руку... Он пожал ее без слов, благодарно – на его глазах были слезы...

Писателю Алексею Толстому посчастливилось в разгар войны присутствовать на репетиции Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича перед ее премьерой 5 марта 1942 года, и он, потрясенный драматической мощью и красотой этой музыки, оставил потомкам бесценное описание своего первого впечатления:

«В большом фойе, между колонн, расположился оркестр Московского Большого театра... За пультом – Самосуд – по-рабочему, в жилетке. Позади него на стуле Шостакович, похожий на злого мальчика. Наверху, высоко на хорах, облокотясь о дубовые перила, застыли очарованные слушатели... Взмахивает мокрыми волосами Самосуд, пронзает палочкой пространство, скрипки запевают о безбурной жизни счастливого человека.

Седьмая симфония посвящена торжеству человеческого в человеке. Постараемся (хотя бы отчасти) проникнуть в путь музыкального мышления Шостаковича, – в грозные темные ночи Ленинграда, под грохот разрывов, в зареве пожаров, оно привело его к написанию этого вдохновенного произведения...

Скрипки рассказывают о безбурном счастьеце, в нем таится беда, оно еще слепое и ограниченное, как у той птички, что "ходит весело по тропинке бедствий..." В этом благополучии из темной глубины неразрешенных противоречий возникает тема войны – короткая, сухая, четкая, похожая на стальной крючок. Тема войны возникает отдаленно и вначале похожа на какую-то простенькую и жутковатую пляску, на приплясывание ученых крыс под дудку крысолова. Как усиливающийся ветер, эта тема начинает колыхать оркестр, она овладевает им, вырастает, крепнет. Крысолов со своими железными крысами поднимается из-за холма... Это движется война. Она торжествует в литаврах и барабанах, воплем боли и отчаяния отвечают скрипки. И вам, стиснувшему пальцами дубовые перила, кажется: неужели, неужели все уже смято и растерзано? В оркестре – смятение, хаос.

Нет, человек сильнее стихии. Струнные инструменты начинают бороться. Гармония скрипок и человеческие голоса фаготов могущественнее грохота ослиной кожи, натянутой на барабаны. Отчаянным биением сердца вы помогаете торжеству гармонии. И скрипки гармонизируют хаос войны, заставляют замолкнуть ее пещерный рев. Проклятого крысолова больше нет, он унесен в черную пропасть времени. Смычки опущены, – у скрипачей, у многих, на глазах слезы. Слышен только раздумчивый и суровый – после стольких потерь и бедствий – человеческий голос фагота. Возврата нет к безбурному счастьецу. Перед умудренным в страданиях взором человека – пройденный путь, где он ищет оправдания жизни. За красоту мира льется кровь. Красота – это не забава, не улада и не праздничные одежды, красота – это пересоздание и устройство дикой природы руками и гением человека. Симфония как будто прикасается легкими дуновениями к великому наследию человеческого пути, и оно оживает.

Средняя часть симфонии – это ренессанс, возрождение красоты из праха и пепла. Как будто перед глазами нового Данте силой сурового и лирического раздумья вызваны тени великого искусства, великого добра.

Заключительная часть симфонии летит в будущее... вы подхвачены светом, вы словно в вихре его... С возрастающим напряжением вы ожидаете финала, завершения огромного музыкального переживания. Вас подхватывают скрипки, вам нечем дышать, как на горных высотах, и вместе с гармонической бурей оркестра, в немыслимом напряжении вы устремляетесь в прорыв, в будущее...»

Так писал Алексей Толстой 75 лет назад в статье «На репетиции Седьмой симфонии Шостаковича», напечатанной в газете «Правда» 16 февраля 1942 года. Сквозь «пещерный рев войны» симфония пробивала дорогу «красоте, которая спасет мир». Историческим фоном и созидающим началом симфонии служило мученическое ленинградское побоище, определенно не имевшее аналогов в долгой и кровавой истории человечества...

В первые дни войны ленинградцы, обманутые сталинской пропагандой, полагали, что серьезные неприятности им не грозят – ведь до Западной границы не менее 750 км. Не смогут немцы пройти такой невероятно длинный путь – Красная Армия прежде разобьет их. Немцы были в Даугавпилсе на четвертый день войны – средняя скорость продвижения примерно 60 км в день. Немцы с ходу взяли Псков на семнадцатый день войны – средняя скорость продвижения примерно 20 км в день. После падения Пскова, наконец-то, всем

стало ясно – еще через две недели фашисты будут под Ленинградом. Красная армия не просто отступала, она была окружена и разгромлена, а оставшиеся боеспособные части беспорядочно отходили вглубь страны. Восьмая армия Северо-Западного фронта была полностью дезорганизована, сдала Псков практически без боя и, потеряв связь с другими войсками, отходила на север к Ленинграду.

В начале первой части Ленинградской симфонии тема нашествия возникает отдаленно и поначалу лишь слегка тревожно. Вторжение врага-убийцы ещё не затмило свет иллюзорного, «безбурного, слепого и ограниченного счастья», в котором «таится беда». Однако положение быстро меняется, и вот уже сапоги захватчиков грохочут у твоего дома. Беспощадный вал нашествия, в котором явно слышатся железные ритмы немецких бронетанковых дивизий, обрушивается на беззащитных людей, сокрушая и ломая их жизни.

В середине первой части симфонии, после потрясающего столкновения гигантского вала вражеского нашествия с волной народного отпора, после беспощадного побоища наступает момент, болезненно точно воспроизводящий критическую ситуацию у стен Ленинграда в начале сентября 1941 года. Шостакович, находившийся в эпицентре смертельной схватки и еще не знавший, чем она закончится, увидел, тем не менее, надвигающийся на город панический хаос. Страшное смятение возникает в трагических звуках симфонии, и кажется: вот-вот все рухнет, а вражеский железный шквал сметет город с лица земли... Пребывавший в состоянии буйного бешенства Гитлер требовал от Вильгельма фон Лееба – командующего Группой армий «Север» – немедленного захвата Ленинграда и соединения с финнами на севере. Генерал-фельдмаршал фон Лееб торопил свои войска, и те, озверев от бессмысленного, на их взгляд, упрямства, казалось бы, давно разгромленных советских войск, рвались к хорошо видимому в бинокль городу, круша все на своем пути. 12 сентября пало Красное село, а затем – Пушкин (Царское село) и Стрельна. В руинах, объятые огнем пожаров, лежали всемирно известные царские дворцы и парки Ораниенбаума, Петергофа, Царского села и Гатчины.

Профессору Ленинградской консерватории Дмитрию Шостаковичу власти неоднократно предлагали эвакуироваться. Он мог уехать ещё в июле вместе с консерваторией, которую отправили в Ташкент, или с Союзом композиторов. Шостакович, однако, упорно отказывался уехать и, более того, пытался записаться добровольцем в народное ополчение. К счастью, у руководства штаба народного ополчения хватило ума отказать ему; в противном случае музыкальный гений XX века, в голове которого уже сложилась тема нашествия великой Седьмой симфонии, почти наверняка погиб бы в июле-августе 1941-го на Лужском рубеже под Ленинградом. В конце концов, 28 августа Шостакович согласился уехать вместе с киностудией «Ленфильм» – отправление было назначено через два дня. Но никто уже не уехал через два дня из Ленинграда, ибо 28 августа 1941 года немецкие войска перерезали последнюю железную дорогу, связывавшую город со страной, в районе станции Мга. Шостакович остался в заблокированном фашистами Ленинграде ещё на месяц. В доме номер 29 по Большой Пушкинской он заканчивал первую часть Симфонии. Композитор позже вспоминал:

«Я начал работать над Седьмой симфонией в самые первые дни войны... Но в это время я выполнял две обязанности: композитора и пожарника – дежурил на крыше консерватории. И таскал туда партитуру, не мог от неё оторваться. Знаете, иногда можешь всё-таки оторваться от своей работы, а вот тогда я не мог. Не люблю такие слова про себя говорить, но это была самая вдохновенная моя работа».

**Август 1941, Ленинград
Дмитрий Шостакович на крыше Ленинградской консерватории**

Фотография Дмитрия Шостаковича в пожарном шлеме на крыше Ленинградской консерватории в августе 1941 года стала исторической реликвией XX века, его, если хотите, реалистическим символом, вобравшим в себя и все божественное, и все дьявольское этого века.

Самым тяжелым днем обороны города историки считают 15 сентября 1941 года. В этот день немецкие танки ворвались в поселок Урицк на юго-западной окраине города и, проскочив его, оказались в заболоченной низине, где их встретил последний на пути к Кировскому заводу заслон из остатков войск 42-й армии и ополченцев Октябрьского района. Одновременно немцы прорвали оборону в районе Царского Села и вышли к Пулковским высотам на южной окраине города в 15 км от Эрмитажа. На высотах, с которых открывалась панорама великого города, горела всемирно известная Пулковская обсерватория с провалившимся куполом над Главным телескопом Академии наук СССР. Положение города становилось критическим – немцы вот-вот могли ворваться вглубь городских кварталов. Началось паническое бегство солдат из окопов на южной окраине города...

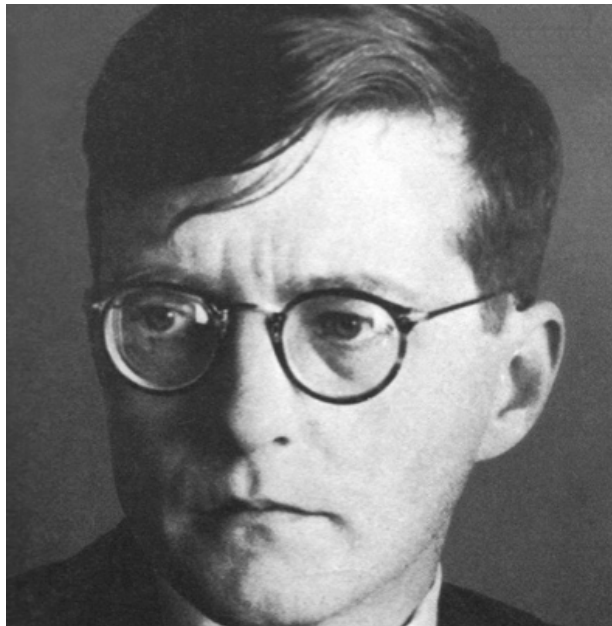
В этот критический момент истории, 17 сентября 1941 года в осажденном городе, пребывавшем на грани катастрофы, произошли два глубоко символических события.

Событие первое: днем по ленинградскому радио выступил известный композитор Дмитрий Шостакович – он рассказал жителям осажденного города, что заканчивает сочинение Седьмой симфонии, которую вскоре назовут Ленинградской.

Я просмотрел хронику культурой жизни мира за 1941 год, третий год Второй мировой войны. Меня интересовало – сочинял ли кто-нибудь и где-нибудь в мире симфонии? В победоносной Германии, насаждавшей германский дух и немецкие порядки

на большей части европейского континента, и в фашистской Италии новых симфоний не было. В Америке, ещё не вступившей в войну, симфонии не сочинялись. Англии, уже третий год воевавшей с Гитлером, было не до симфоний. В залитой кровью Польше некому было писать симфонии. В оккупированной Франции, чьи военные неприятности, если не считать партизан-антифашистов и евреев, ограничивались некоторыми бытовыми неудобствами, никому в голову не приходило заняться сочинением симфонии.

Симфония сочинялась лишь в окруженном фашистскими войсками Ленинграде. Симфония, ставшая духовным событием века, сочинялась в городе, который ежедневно бомбили и ежечасно обстреливали, в городе, на который надвигался голодный мор. Великая симфония сочинялась в городе, который стоял на пороге падения, разгрома и тотальной кровавой резни. Как это следует понимать? Нет ли в этом какой-то фатальной предопределенности, не стоит ли за этим недоступный человеческому разуму Божественный замысел? Не знаю...

Дмитрий Шостакович

Событие второе: вечером в квартире на Большой Пушкарской Дмитрий Шостакович сыграл своим друзьям и коллегам две первые части Симфонии. Очевидцы вспоминают:

«Впечатление было ошеломляющим. Когда музыка отзвучала, все долго молчали. Слова казались неуместными, беспомощными... Автор нервным движением раскрыл папиросную коробку и закурил...»

Исполнение второй части было прервано сиреной воздушного налета. Проводив детей в бомбоубежище, композитор сыграл первые две части ещё раз...

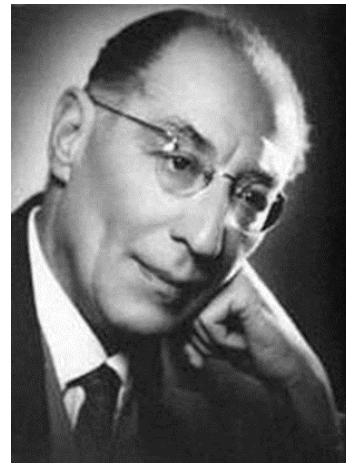
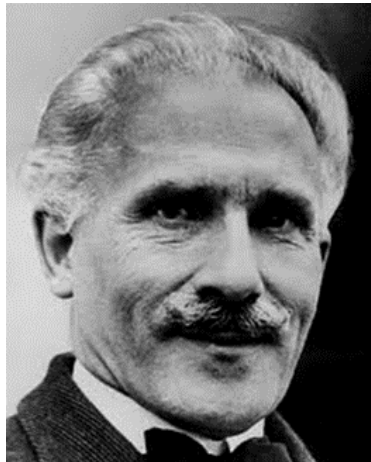
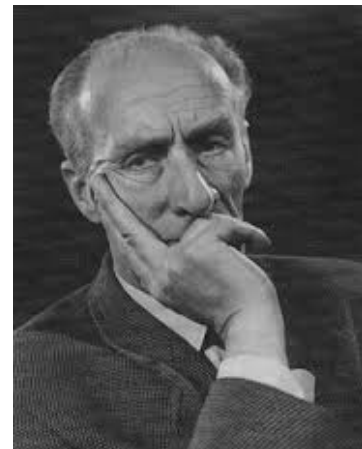
Пути к творческой вершине необъяснимы и загадочны. Как и когда в голове и в душе композитора зародилась гениальная тема нашествия из первой части симфонии? На этот счет есть две версии. По первой, романтической версии, тема нашествия в ее развитии сложилась от звуков ленинградских улиц в августе 1941 года. От воя сирен, лязга танковых

гусениц, разрывов бомб и снарядов, грохота рушащихся домов, от всего облика города в огне пожаров. Вторая версия, более реалистичная, и, на мой взгляд, не менее возвышенная, исходит от учеников Шостаковича. Они утверждают, что центральная мелодия темы нашествия, была сочинена композитором ещё до начала войны, и что война и ленинградская трагедия лишь ускорили придание ей законченной и совершенной симфонической формы. Но тогда возникает вопрос – кто же этот «крысолов со своими железными крысами»? Гитлер или Сталин? Это – гениальное предвидение фашистского нашествия, или это – ощущение устрашающей поступи сталинской диктатуры, или, наконец, это – обобщенный образ наступления тоталитаризма на личность?

Первого октября по решению властей Дмитрий Шостакович вместе с семьей и партитурой Седьмой симфонии был эвакуирован самолетом в Москву, а затем поездом в Куйбышев. Там он заканчивал партитуру симфонии, но творческая вершина уже была пройдена. И достигнута она была в осажденном Ленинграде...

В самую тяжелую первую блокадную зиму 1941-1942 года, казалось, сама природа ополчилась на жителей осажденного Ленинграда. 11 октября, намного раньше обычного выпал снег, а затем ударили неслыханные морозы, не ослабевавшие до конца марта. 24 января 1942 года температура опустилась до минус 40 градусов по Цельсию. 25 января остановилась последняя электростанция «Красный Октябрь» – нечем было топить котлы. Прекратило передачи ленинградское радио. Город онемел и погрузился в ледяной мрак, словно Солнце остыло и Землю охватил космический холод, словно жизнь на планете прервалась. И только вой и разрывы немецких снарядов да залпы кронштадтских батарей напоминали о страшной войне, о гигантской схватке, бушевавшей вокруг умирающего города.

5 марта 1942 года, когда голодный блокадный мор достиг своего апогея, внешний мир услышал о ленинградской трагедии – в тыловом волжском городе Куйбышеве состоялась премьера Ленинградской симфонии Дмитрия Шостаковича. Симфония транслировалась по радио на всю страну с торжественной преамбулой «Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза». 29 марта симфония была исполнена в Москве в Колонном зале Дома Союзов, откуда транслировалась радиостанциями Великобритании и США; 22 июня 1942 года состоялась премьера симфонии в Лондоне – ее исполнил Лондонский симфонический оркестр; 7 июля в Новосибирске симфонию исполнил оркестр Ленинградской филармонии; 19 июля симфония впервые прозвучала в Нью-Йорке в исполнении Симфонического оркестра Нью-Йоркского радио. Вершиной этой эпопеи мировых премьер Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича 1942-го года стало ее исполнение 9 августа в окруженном фашистами Ленинграде.

Портреты первых исполнителей Ленинградской симфонии в 1942 году

(слева направо и сверху вниз):

Самуил Самосуд – Куйбышев, 5 марта; Москва, 29 марта, оркестр Большого театра СССР

Генри Вуд – Лондон, 22 июня, Лондонский симфонический оркестр.

Евгений Мравинский – Новосибирск, 7 июля, оркестр Ленинградской филармонии.

Артуго Тосканини – Нью-Йорк, 19 июля, Нью-Йоркский симфонический оркестр.

Карл Элиасберг – Ленинград, 9 августа, оркестр Ленинградского радиокомитета.

В истории музыки много удивительных событий, достойных самой высокой патетики. Однако никогда и нигде не случалось ничего столь драматичного и возвышенного, как исполнение Ленинградской симфонии Дмитрия Шостаковича 9 августа 1942 года в окруженном фашистами Ленинграде – точно в эпицентре того последнего круга ада, в котором симфония родилась... Когда я перечитываю снова и снова эту историю, каждый раз возникает чувство сопричастности с чем-то безмерно великим, с какими-то глубинными корнями человеческой духовности.

Исторический фон этого события был совершенно ужасным. Летом 1942 года Красная Армия, вопреки всем надеждам, потерпела не менее тяжелые поражения, чем в начале войны. В конце мая, в результате бездарно спланированного Сталиным и Тимошенко наступления на Харьков, в «харьковском котле» были окружены и полностью уничтожены вместе со всем командованием и штабами три армии Юго-Западного фронта. В начале июля танковая армия фельдмаршала фон Манштейна захватила Севастополь. Немецкие войска, разгромив южный фланг советских войск, отрезали от страны Кавказ и вышли в излучину реки Дона в том месте, где Дон ближе всего к Сталинграду. 26 июля германские танковые и моторизованные дивизии прорвали оборону 62-ой армии, прикрывавшей Сталинград, и устремились к Волге. Ставка пыталась остановить немцев, бросив против них две не полностью укомплектованные танковые армии и две стрелковые дивизии, что привело лишь к новому разгрому. По среднему течению Дона немецкое командование дополнительно развертывало против советских войск итальянские, венгерские и румынские дивизии. К началу августа страна вновь стояла на грани национальной катастрофы небывалого масштаба – никогда прежде враг не доходил до глубинной русской реки Волги. Немецкое командование, вдохновленное победами под Сталинградом, решило возобновить кампанию по захвату Ленинграда, едва оправившегося от истребительной, холодной и голодной зимы в кольце блокады, и объявило о своем намерении провести парад победоносных германских войск на Дворцовой площади 9 августа. И вот в этот тяжелейший момент Второй мировой войны в осажденном Ленинграде появляется скромная афиша:

**Управление по делам искусств Исполкома Ленгорсовета
Ленинградский комитет по радиовещанию
Большой зал Филармонии
Воскресенье, 9 августа 1942 года
Концерт симфонического оркестра
Дирижер К.И. Элиасберг
Д.Д. Шостакович, Седьмая симфония (в первый раз)**

Подготовка этой премьеры, подробно описанная во многих воспоминаниях, напоминала фантастическую военную операцию. Военно-транспортным самолетом из Москвы доставляется партитура симфонии. Единственный оставшийся в живых крупный ленинградский дирижер Карл Элиасберг, едва оправившийся от голода в стационаре для дистрофиков при гостинице «Астория», где немецкое командование собирается устроить банкет по случаю взятия города, восторженно читает партитуру. Высокий и страшно худой Карл Элиасберг в интеллигентских очках едет по Невскому проспекту на велосипеде, на руле которого болтается кастрюля – на случай, если удастся раздобыть еду. Дирижер едет на велосипеде через весь город в Политуправление фронта, что в Политехническом институте, с просьбой прислать из действующей армии музыкантов-духовиков. Начальник Политуправления генерал Дмитрий Холостов мрачно шутит: «Бросим воевать, пойдем играть», но, тем не менее, духовиков присылает. На переднем крае обороны города устанавливаются мощные динамики для трансляции симфонии немцам. Командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Леонид Говоров приказывает 42-ой армии подготовить артиллерийские батареи к подавлению возможного вражеского артобстрела во время исполнения симфонии. 30 июля Карл Элиасберг едет на велосипеде с неизменной кастрюлей на руле в Смольный, чтобы обсудить премьеру со Вторым секретарем Ленинградского горкома партии Алексеем Кузнецовым. С утра до вечера в Филармонии идут ежедневные репетиции симфонии. Музыканты, присланные с фронта, не без труда восстанавливают свои профессиональные навыки.

**Главный дирижер Большого симфонического оркестра
Ленинградского Радиокomiteта Карл Элиасберг**

И вот наступил день 9 августа. В Большом зале Филармонии собрались немногие из выживших ленинградских меломанов, моряки Балтийского флота, руководители города А.Кузнецов, П.Попков и Я.Капустин, впоследствии расстрелянные Сталиным, командующий фронтом генерал Л.Говоров и начальник Политуправления фронта генерал Д.Холостов. Диктор Ленинградского радио, не называя места трансляции, с волнением

объявляет: «Слушайте, товарищи! Сейчас будет включен зал, откуда будет исполняться Седьмая симфония Шостаковича»

Карл Элиасберг поднимает дирижерскую палочку, и под сводами парадного, ослепительной белизны зала, сверкающего позолотой и малиновым бархатом, в самом центре разрушенного, изможденного города, на 355-й день блокады, зазвучала музыка, написанная в этом городе и посвященная его трагической судьбе.

Очевидцы вспоминают – нельзя говорить о том, какое впечатление произвела симфония на ленинградцев. Это было не впечатление, это было потрясение. Перед слушателями развернулась картина беспощадной схватки, свидетелями и участниками которой они сами были. Они вновь прошли через кошмар вражеского нашествия, через поражения, через страдание и горе, у которых уже нет слез. Они опустились на дно безысходности, и оттуда, из хаоса снова начали восходить к жизни.

И когда в темной глубине хаоса, среди мечущихся под ударами бесчеловечного врага звуков скорби, вдруг начали зарождаться другие звуки – звуки отпора и надежды, когда в оркестре начала крепнуть, а затем поднялась во весь свой гигантский рост выстраданная ленинградцами могучая мелодия победы, тогда... ударили огромные орудия кораблей Балтийского флота. Их мелодию подхватили артиллерийские батареи 42-ой армии, и на головы проклятого врага, так долго мучившего этот город, на его командные пункты, узлы связи и батареи вместе со звуками великой симфонии обрушился мстительный смерч из огня и железа.

За наш родной Ленинград – огонь!

За умерших от голода и холода – огонь!

За погибших в бою – огонь!

Смерть немецким оккупантам – огонь!

Ни одно музыкальное произведение нигде и никогда не сопровождалось таким мощным аккомпанементом. Абстрактные музыкальные образы и устремления реальной жизни слились в тот день в единое целое. Ни одно музыкальное произведение нигде и никогда не было таким мощным оружием в схватке с врагом. Ленинградская поэтесса Ольга Берггольц писала в те дни:

«Мы победим фашистов. Товарищи, мы обязательно победим их! Мы готовы на все испытания, которые ещё ожидают нас, готовы во имя торжества жизни. Об этом торжестве свидетельствует Седьмая симфония, произведение мирового искусства, созданное в нашем осажденном, голодающем, лишенном света и тепла городе, – в городе, сражающемся за счастье и свободу всего человечества».

Верю в символы искусства... В тот день оставалось ещё полтора года до прорыва блокады Ленинграда и почти три года до штурма Рейхстага, долгая дорога к победе пролегла через кровавое побоище в Сталинграде, но... 9 августа 1942 года в белоколонном, божественной красоты зале Ленинградской филармонии под аккомпанемент балтийских батарей сам Господь сыграл отходную гитлеровскому режиму. Здесь Он подал людям Земли знак надежды с помощью бессмертной Ленинградской симфонии.

5 марта 2017, Нью-Йорк